

**ЕЛЕНА
АРСЕНЬЕВА**

**ДОЧЬ
ВРАГА**

Елена Арсеньевна Арсеньева

Дочь врага

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Война, маленький городок, захваченный фашистами. Но ни взрослые, ни дети не хотят покориться гитлеровцам. Коля Поляков и его одноклассники пишут листовки со сводками Соинформбюро и расклеивают их по ночам, передают партизанам сведения о вражеском гарнизоне... Сопротивляются, рискуя жизнью.

Однажды Коле помогает скрыться от полицаев незнакомая девчонка. Ее зовут Юля Симонова. Она спрятала Колю в развалинах, где человеку, кажется, невозможно не погибнуть. Может быть, это призрак? Слишком уж она красивая и необыкновенная, чтобы быть настоящей!..

Но нет, отец девчонки, в которую Коля влюбился с первого взгляда, – гитлеровский офицер. И что теперь будет? Станет Юля подпольщикам верным другом? Или предаст их, как убеждена Нинка Ломтева, которая влюблена в Колю и которую грызет жгучая ревность и ненависть к дочери врага?

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

51

Елена Арсеньева

Дочь врага

Повесть

*Пионерам и комсомольцам Великой
Отечественной войны посвящается*

Темно в городе. Темно и тихо. Только изредка мигают фонарики патрульных, да их тяжелые сапоги грохочут по мостовой, да слышны голоса:

– Halt! Wer ist da? Hände hoch!¹

Патрульным иногда вторят полицаи:

– Стоять! Кто идет? Руки вверх!

Война... Чужие пришли в этот маленький уютный городок! Теперь здесь хозяева враги и те, кто прислуживает им. Они установили комендантский час. Они готовы застрелить каждого, кого заметят на городских улицах в ночную пору. Полицаи, на рукавах которых белые повязки с надписью «Schutzpolizei»² усердствуют наравне с оккупантами.

И те, и другие боятся. Боятся партизан и подпольщиков! И захватчики-фашисты боятся, и их прислужники-предатели.

¹ Стоять! Кто это? Руки вверх! (нем.).

² Schutzpolizei – от Schutzmänn – стрелок (нем.) – карательные батальоны, которые формировались из местного населения и действовали под непосредственным командованием немцев.

Боятся таких, как эти двое ребят, которые вслушиваются сейчас в шаги патруля и окрики полицейских.

– Это Бубело горланит! – бормочет Нинка, прижимаясь к стене. – Я его по голосу знаю, хрипуна паршивого. Он да Стецьков – самые из всех полицаев поганые. Был еще Лысаков, да весь вышел.

Коля молчит. Он знает, что случилось с полицаем Лысаковым. Но говорить об этом не хочется.

– Коля, ты чего, уснул, что ли? – толкает его в бок Нинка. – Мажь скорей стенку! А то еще сунется сюда кто-нибудь из этих гадов, уходить надо.

Коля вытаскивает квач из ведерка, которое висит на руке, и размазывает клей по стене. Нинка проворно прикладывает к этому месту листовку, а потом разглаживает ее, чтобы лучше держалась.

– Пошли на улицу 7 ноября, – командует она. – «Пятиэтажку» разбомбили, но стены у нее целые. И народ там часто ходит. Кто-нибудь да успеет прочитать, пока полицаи не очухаются и не сорвут!

Улица 7 ноября теперь называется улицей Великой Германии. Чуть ли не каждый переулок в городке Краеве фашисты по-своему переименовали! Но все равно – в городе по-прежнему живут советские люди, а значит, они должны знать правду, они должны знать, что фашисты зря чувствуют себя здесь хозяевами!

Вдруг Нинка толкает Колю за дерево, а сама затаивается

рядом:

– Тише! Идут сюда!

Коля прислушивается. Да нет, тишина.

– Тебе померещилось, – шепчет он.

– Ничего, давай еще постоим тут на всякий случай, – говорит Нинка. – Прижмись к дереву.

Она сильно дергает Колю за рукав вельветовой курточки, и вместо дерева он нечаянно прижимается к Нинке.

– Извини, – бормочет, чуть отстраняясь.

– Извини! – передразнивает Нинка. – Откуда ты такой вежливый свалился на мою голову? Вежливый да непонятливый! Ну откуда, скажи?!

– От верблюда, – огрызается Коля, еще больше отстраняясь. – Пошли, чего тут стоять?

Нинка молчит, только вздыхает.

Коля хмурится. Он терпеть не может этих вопросов: «Откуда ты взялся?» Он боится вопросов о своем прошлом! А еще он боится Нинкиных многозначительных вздохов. Неужели она сейчас снова заведет эту свою шарманку: «Я что, совсем некрасивая? Почему ты от меня шарахаешься? Ты мне нравишься, сам знаешь! А я тебе?»

Ну вот что ответить девчонке, которая говорит такие вещи?! Правду ляпнуть: «А ты мне – нет!» – невозможно. Потому что это не совсем правда. Нинка Коле нравится, но... не так. Не так, чтобы прижиматься к ней, даже если они прячутся за деревом! Просто она хороший друг, она умная, хаб-

рая, как Анка-пулеметчица из кино «Чапаев», как Дженни из «Острова сокровищ», которая поет: «Если ранили друга, сумеет подруга врагам отомстить за него!»

Нинка любит эту песню. Ей фильм очень понравился, а Коле – нет. От того «Острова сокровищ», который написал Роберт Льюис Стивенсон (кто не зачитывался этим романом?!), в фильме остались рожки да ножки с кружевными оборочками. Вместо Джина Хокинса там девчонка Дженни, которая влюблена в доктора Лайвеси (а не Ливси, как в книжке!) и переодевается юнгой, чтобы ехать вместе с ним за сокровищами.

Коля не сомневается: если бы он вздумал куда-то ехать, в какое-то опасное путешествие собрался, Нинка тоже переделась бы парнем, чтобы отправиться с ним. Беда только в том, что ему не по душе такие девчонки, которые вечно всеми командуют (Нинку даже прозвали атаманшей!), бегают за парнями и прижимаются к ним... Парни сами должны за девчонками бегать и все такое! Конечно, в нашей Советской стране мужчины и женщины равноправны, однако не зря Карл Маркс написал, что самая лучшая черта в женщине – слабость!

Коля бы добавил – и тайна...

И еще что-то должно быть в девушке, которая ему может понравиться, но он сам не знает, что именно, – знает только, что в Нинке этого нет.

В прошлый раз, когда Нинка спросила, нравится ли она

Коле, он ответил: «Но ведь ты Мареку нравишься! Я так не могу, он ведь мой товарищ!»

Нинка глаза вытаращила: «Но мне Марек не нравится!» – «Все равно не могу!» – буркнул Коля, и Нинка от него на некоторое время отстала, а сейчас снова начала.

Дело было совсем не в Мареке. Коля тогда просто отоврался. А сейчас как быть?

Ага! Придумал! Есть предлог прекратить такие разговоры – и очень правильный, очень толковый предлог!

– Ты глупости несешь, Нинка, – сердито говорит Коля. – Кругом война идет. Какие нравишься – не нравишься могут быть во время войны? Ты бы лучше подумала, что мы будем делать, когда у нас эти листовки кончатся.

– Новые писать, что же еще? – угрюмо отвечает Нинка, запахивая свой ватник: октябрьские дни еще теплые, а ночи прохладные.

Обиделась она, конечно. Но что делать! В таких делах врать нельзя.

– А где сводки Совинформбюро возьмем? – спрашивает Коля.

Он всматривается в ту листовку, которую они с Нинкой только что наклеили.

На белом листе – четкие черные буквы. Конечно, в темноте их прочитать трудно, но Коля и так знает, что там написано: *«Не верьте вракам Геббельса! Фашисты разбиты под*

Москвой, Красная армия³ стеной стоит по всем фронтам, защищая нашу Советскую родину, и наша задача – тоже бить врага, где сможем. Есть оружие – оружием, нет оружия – палкой бей, нет палки – вцепись руками! Смерть фашистским оккупантам! Победа придет!»

Еще бы Коле этого не знать, ведь он сам этот текст написал, старательно подражая Ивану Ивановичу Храброву. Их учителю русского языка и литературы...

Раньше все писал Иван Иванович. И в каждой листовке были сведения из последних сводок Совинформбюро⁴.

Повесили гитлеровцы Ивана Ивановича! Какой-то гад донес в комендатуру, что учителя видели в лесу. А в лесу известно кто – партизаны! Ну зачем городскому человеку по лесу шляться?

Иван Иванович объяснил, что грибы собирал, и даже полную корзину показал. Однако фашисты не поверили. Летом они разгромили городское подполье, но знали, что накрыть удалось не всех. Начали обыскивать дом Ивана Ивановича и нашли тайник, а в нем – переписанные от руки сводки Совинформбюро! Их Ивану Ивановичу партизаны передали. Ведь все радиоприемники велено было сдать, когда фаши-

³ До февраля 1946 года армия Союза ССР называлось Рабоче-Крестьянской Красной Армией (РККА) или просто Красной Армией.

⁴ Совинформбюро – информационное ведомство, образованное в СССР 24 июня 1941 года, через два дня после начала Великой Отечественной войны. Его работа заключалась в составлении сводок для радио, газет и журналов о положении на фронтах, работе тыла, о партизанском движении.

сты в город вошли. Сдал свой и Иван Иванович. После ареста подпольщиков он встречался с партизанскими связными, чтобы получать от них свежие сводки. В отряде-то рация была и приемник был! Иногда в городе такие встречи проходили, иногда в лесу. А потом ребята, его ученики: Коля Поляков, Нина Ломтева, Мишаня Климов, Марек Краснов и Тимка Фролов – эти сводки переписывали и расклеивали по ночам на стенах городских домов.

Ох как мучили Ивана Ивановича, как пытали, чтобы он выдал связных, чтобы выдал тех, кто расклеивал листовки! Он ни слова не сказал на допросах. Приволокли его на базарную площадь, к виселице, черного от побоев, под руки приволокли – сам идти уже не мог. Ребята видели казнь своего учителя и поклялись отомстить за него. Но лучшей мстью было бы постоянно вредить фашистам и продолжать сообщать людям о победах Красной Армии.

Только где взять сводки Совинформбюро, в которых сообщается об этих победах?!

– Не переживай! – вдруг заявляет Нинка, задирая нос. – Мне Иван Иванович рассказал, куда придет партизанский связной, если что-нибудь случится.

– Правда?! – недоверчиво спрашивает Коля. – Возьмешь меня с собой на эту встречу? Так хочется на настоящего партизана посмотреть!

– Нет, – еще выше задирает нос Нинка. – Я с собой Мареку возьму. Ты сам говорил, что я ему нравлюсь. А ты по-

дождешь, пока война кончится, тогда и посмотришь на партизан!

Коля насупился. Ну и Нинка-атаманша! Ну и вредина! На все готова, только бы по ее вышло!

Но не выйдет. Зря Нинка старается.

– Пошли на улицу 7 ноября. Зря время теряем, – только и сказал он.

* * *

На столе в Юлиной комнате стоял патефон, а на его крышке лежала пластинка фирмы «Odeon». Раньше пластинок было много, но Юля их все отнесла зимой на базар. Конечно, жителям Краева и окрестных деревень эти пластинки были и даром не нужны! Зато гитлеровские солдаты, наводнившие город, их просто расхватывали: ведь это были пластинки с романсами на немецком языке! За них Юле давали хлеб, колбасу, свечи в круглых металлических баночках, консервы, сахар, шоколад, спички и даже эрзац-мед в картонных коробочках. Теперь осталась только одна пластинка, но ее Юля ни за что не стала бы ни менять, ни продавать, даже если умирала бы с голоду.

Наклейка наполовину оторвалась, однако название мелодии еще можно прочесть: «Franz Schubert «Ständchen»⁵. Эта

⁵ Франц Шуберт «Вечерняя серенада» (нем.).

пластинка – мамина любимая! – была у них в доме все четырнадцать с половиной лет, которые прожила на свете Юля Симонова. И Юлина мама, Ирина Николаевна, переезжая из Харькова в Краев, взяла ее с собой.

Это была самая красивая музыка, которую Юля слышала в жизни! И ее мама так же считала, не зря же она ставила пластинку почти каждый день. Звучный мужской голос, с трудом пробиваясь сквозь хрип и скрип затупившейся патефонной иглы, которая застревала на заезженных дорожках, заводил волшебные слова:

– Leise flehen meine Lieder
Durch die Nacht zu dir;
In den stillen Hain hernieder,
Liebchen, komm zu mir!⁶

А потом пластинку заиграли до того, что уже почти ничего нельзя было разобрать. С тех пор мама часто просила Юлю, которая училась в музыкальной школе, сесть за пианино, сыграть этот старый романс и спеть. Юля играла его и теперь – играла и пела. И тогда ей казалось, что войны нет, что мама жива и вот-вот вернется с работы.

Но мама больше не вернется...

Иногда удавалось отогнать от себя страшную правду, иногда – нет.

⁶ Мои песни всю ночь зовут тебя; в тихую рошу, дорогая, приди ко мне! (нем.).

Вот как сегодня! Не давали уснуть воспоминания о том, как они в прошлом году переехали в маленький город Краев из большого города Харькова и как после этого вся их жизнь сломалась.

Юля и ее мама поселились на улице 7 ноября, где стоял самый высокий в Краеве дом – пятиэтажный. В городке-то почти все дома деревянные, но даже каменные не выше двух этажей. А этот казался высоченным! Его почтительно называли «пятиэтажкой», и всем было понятно, о каком доме идет речь.

Когда-то здесь получил квартиру хирург Николай Петрович Извицкий, дедушка Юли Симоновой. На двери до сих пор висит потускневшая медная табличка с надписью: «*Извицкий Н. П.*». Потом он умер и бабушка осталась одна. У нее было больное сердце, и Ирина Николаевна, Юлина мама, решила переехать из Харькова, чтобы ухаживать за матерью. Муж Ирины Николаевны, отчим Юли, погиб в 39-м, на войне с финнами⁷. Ирина Николаевна с радостью покинула город, с которым для нее было связано много радостных, а еще больше – печальных событий.

Юля не хотела уезжать из Харькова, где она училась в школе, где у нее оставалось множество друзей, но мама уверяла, что на новом месте она живо заведет новых. Наверное, так оно и случилось бы, да вот беда: переехали Ирина Ни-

⁷ Вооружённый конфликт между СССР и Финляндией длился с 30 ноября 1939 г. по 13 марта 1940 г.

колаевна и Юля в Краев в начале лета 1941 года, а 22 июня началась война.

Вскоре городок начали бомбить. Больная бабушка умерла от разрыва сердца при первом же налете фашистской авиации. А при следующем налете в знаменитую «пятиэтажку» попала бомба. Она не разорвалась, но пробила дом насквозь, разрушила почти все квартиры, лестницу подъезда, и вонзилась в землю, прорыв в ней глубокую воронку. Соседи Ирины Николаевны и Юли были сброшены ударной волной в эту воронку и погибли, заваленные обломками дома.

Жильцов в «пятиэтажке» к тому времени оставалось мало. Кто эвакуировался, когда война только началась, кто в ту ночь укрылся в бомбоубежище, как Ирина Николаевна и Юля. К счастью, они не спрятались в подвале своего дома, не то погибли бы вместе с соседями другими. Но теперь «пятиэтажка» готова была в любой момент рухнуть, да и бомба вполне могла разорваться. Немногочисленные выжившие соседи, у которых были родственники в городе, перебрались к ним. А Ирине Николаевне и Юле идти некуда. И в Харьков не вернешься – на маленький Краев налетов больше не было, а вот Харьков с его авиазаводом и другими большими предприятиями бомбили очень часто. Вдобавок железная дорога уже перерезана, вот-вот в Краев войдут немцы. Словом, маме с дочкой ничего не оставалось, как жить в полуразрушенном доме.

Их квартира на четвертом этаже почти не пострадала.

Стекла в окнах вылетели, конечно, однако Ирина Николаевна на одну раму забила фанерой, а другую застеклила осколками, склеенными бумажными лентами, и завесила окно тяжелой маскировочной шторой для затемнения.

Очень странно, однако из трубы на кухне по-прежнему шла вода! Но отопления, конечно, уже не было. Надвигалась зима, и Ирина Николаевна где-то раздобыла «буржуйку» – печурку, сделанную из железной бочки. Называлась печка так потому, что пожирала много угля и дров, но мгновенно остывала, стоило перестать подбрасывать в нее топливо. Настоящая жадная буржуйка! Впрочем, дров в развалинах было в избытке.

Ирина Николаевна и Юля вскоре научились очень ловко пробираться по обломкам лестничных пролетов. Они даже протянули вдоль стен «перила», сделанные из сплетенных втрое веревок. За эти перила можно было удержаться, если сорвешься с какого-то опасного места.

Вскоре после бомбежки нашлись какие-то лихие люди, которые решили пошарить в брошенных без пригляду квартирах и разжиться оставшимися там вещами. Однако первые же грабители сорвались вместе с лестничным пролетом в глубокую яму и разбились насмерть, заваленные обломками лестницы. Больше желающих сунуться в этот опасный дом не было, а Ирина Николаевна и Юля никому не собирались открывать тайного пути, которым можно было подняться на их четвертый этаж.

И вот фашисты приблизились к Краеву. Вот ворвались в него! Бои шли уже в городе, на улицах. Долго стреляли и рядом с «пятиэтажкой».

Когда вражеские танки прогрохотали мимо и стрельба затихла, Ирина Николаевна и Юля решились выглянуть из подъезда. На улицу они выйти побоялись – спустились по черной лестнице во двор.

Два окровавленных красноармейца лежали на земле. Ирина Николаевна нагнулась к ним, но тотчас безнадежно покачала головой:

– Убиты.

Закрыла красноармейцам глаза, осторожно взяла их винтовки, осмотрела:

– Ни одного патрона не осталось.

И тут Ирина Николаевна увидела связку гранат, которая лежала под одним из мертвых тел. Она огляделась: нет ли поблизости чужих глаз? – и осторожно вытащила гранаты.

Они были продолговатые, в металлических корпусах, с длинными деревянными ручками. Юля смотрела на них с ужасом! Ирина Николаевна отнесла эти опасные штуки в разрушенный подъезд и спрятала там под обвалившейся балкой. Туда же утащила винтовки.

– Мама, а вдруг гранаты взорвутся? – дрожащим голосом спросила Юля. – Тогда наш дом рухнет!

– Знаешь, как говорят военные? Бомба два раза в одну воронку не падает, – слабо улыбнулась Ирина Николаевна. –

И вообще, с нами уже столько плохого случилось, что для новых бед места нет!

Она ошибалась...

Юля резко села на диване, вытирая слезы. Нет, не заснуть. Когда с ней случалось такое – а это бывало частенько, – она осторожно спускалась по разрушенным лестницам, где знала уже каждое опасное и каждое надежное место наизусть, и выходила на улицу. Конечно, зрелище наполовину обломанных, наполовину спиленных стволов, которые остались от прежних роскошных тополей, горы щебенки и камня, наваленные вдоль стен, тоскливый посвист ветра в развалинах не радовали, но луна в небесах так прекрасна, так светла, что даже звезды отступали от нее, зная, что не выдержат соперничества. На земле война, ужас, а в небесах красота, мир и тишина.

Вот что успокаивало Юлю, когда у нее не было сил заснуть, не было сил переносить свое одиночество. Красота, мир и тишина!

Она только встала у подъезда, только вдохнула прохладный и свежий ночной воздух, только залюбовалась луной, как вдруг до нее донесся тяжелый топот сапог и крик:

– Хальт! Стой! А ну, стой, мать вашу!

Юля отшатнулась, прижалась к стене.

В ту же минуту из-за угла выскочили высокий паренек в мешковатой куртке и девочка в ватнике. У него в руках было

ведерко, у нее за спиной – вещмешок.

– Нинка, беги! – приказал парень. – Уноси листовки!

– А ты? – испуганно воскликнула девочка. – А ты, Коля?

– Беги, сказано! – огрызнулся тот.

Девочка, всхлипнув, побежала в одну сторону, а парень, швырнув ведро в развалины, кинулся в другую.

Юля стояла не дыша.

Кто они, эти двое? Коля и Нинка – кто они?

Да кто еще, как не подпольщики! Коля же велел Нинке: «Листовки береги!» Юля не раз видела, как полицейские, бранясь на чем свет стоит, старательно соскребают со стен какие-то бумажки. Люди шептались, что это листовки, расклеенные подпольщиками и партизанами.

Ах, как бы хотела Юля познакомиться с ними! Как бы хотела уйти в партизанский отряд, чтобы отомстить фашистам, которые ворвались в ее любимую страну, где жилось так хорошо, так спокойно, так радостно! И чтобы отомстить за маму! Но где их искать, этих партизан, Юля не знала. Не пойдешь же просто так в лес, не закричишь же: «Ау, партизаны!»

Но какая же она все-таки дура! Вот только что перед ней оказались два подпольщика, а она стояла столбом и молчала. Надо было предложить им спрятаться у нее!

И стоило ей так подумать, как из-за угла выскочил тот парнишка в куртке, Коля! Огляделся всполошенно, пробормотал:

– Оторвался? Кажется, оторвался! А Нинка?

Но вслед ему неслись голоса полицаев:

– Девку я не догнал, а пацан вон туды побёг!

– Щас найдем!

Коля рванулся было бежать, но тут Юля выскочила из своего укрытия, бросилась к нему, схватила за руку, потащила к подъезду:

– Иди сюда. Быстро!

– Ты кто? – ошеломленно пробормотал Коля. – Откуда взялась?

– Потом поговорим, – выпалила Юля. – Иди за мной. Только осторожнее! Ступай туда же, куда я, иначе сорвешься и погибнешь.

Ребята метнулись в развалины и начали подниматься по остаткам лестницы. Юля иногда подсвечивала себе фонариком-жучком, который всегда носила с собой. Удобная вещь этот фонарик! Нажимаешь на пружинную рукоятку – и он светит. Лампочка не перегорает, батарейка не садится. Правда, фонарик при нажатии постоянно жужжит, потому и называется жучком. Этот фонарик Юле еще в Харькове отчим подарил, дядя Федя. Перед тем, как отправился на войну, с которой не вернулся...

Ребята легко добрались до второго этажа, но тут из-под ног Коли, который, конечно, не привык к таким путешествиям над пропастью, покатился камень. Коля едва не свалился вслед за ним в черную яму, которая зияла внизу, но Юля поймала его за воротник куртки, помогла удержаться. Одна-

ко этот шум услышал полицейский, который как раз подбежал к разрушенному подъезду.

– Вот они где! – закричал он радостно.

Полицейский вскинул винтовку, выстрелил, но ребята успели спрятаться за обломком стены.

– Пропали, – выдохнул Коля. – Это Павлычко, он не отстанет! Имей в виду, если он до нас доберется, ты сиди тихо, не высовывайся, а я сдамся. Может быть, он тебя и не заметит.

– С ума сошел! – прошептала Юля. – Сам сиди тихо. Вот увидишь, он до нас не доберется!

Павлычко резво кинулся вверх по обломкам ступенек и вдруг покачнулся на том самом месте, где только что чуть не упал Коля. Полицейский выронил винтовку, которая с грохотом полетела вниз, замахал руками, пытаясь хоть за что-то ухватиться, однако перил не было, а о веревке, протянутой вдоль стены, Павлычко не знал.

С коротким криком полицейский сорвался вниз. Грохот падающего тела – и тишина...

– Все! Разбился! – шепнула Юля, поднимаясь. – После взрыва бомбы осталась очень глубокая воронка... Ладно, идем дальше.

Коля, по-прежнему сидя на корточках, ошеломленно вглядывался в темноту, в которой исчез Павлычко. И тут Юля снова приложила палец к губам.

Однако Коля и сам уже слышал, что бегут патрульные.

– Где партизан? – крикнул один из них. – Не стоять! Бежать! Искать!

– Так точно, господин зольдат! – отозвался сильный голос.

Коля узнал голос Бубело и не мог не усмехнуться издевательски, представив, как тот тянется в струнку перед солдатом вермахта⁸.

«Наши полицаи готовы самому распоследнему фашисту задницу лизать!» – говорил Марек Краснов.

Правильно говорил!

– Ты видеть партизан? Ты знать партизан? – настойчиво спрашивал тем временем патрульный.

– Никак нет, господин зольдат! – испуганно доложил Бубело.

– Плёхо! Это отшень плёхо! – сердито крикнул солдат. – Пшэль! Искать! Ты туда, я сюда!

– Так точно, господин зольдат! – отрапортовал Бубело, и торопливые шаги разбежались в разные стороны.

– Ну, пошли дальше, – облегченно вздохнула, наконец, Юля, поднимаясь. – Только, пожалуйста, будь осторожен!

Она показала Коле, где на стенах укреплена веревка, и отдала ему фонарик. Сама она этот опасный путь могла пройти и в темноте, даже с закрытыми глазами прошла бы!

Привыкла...

⁸ Вермахт – вооруженные силы Германии.

А Коля никак не мог очухаться от неожиданности случившегося. Только что он был на волосок от смерти, ну, от плена – это точно! Ему пришлось бы очень плохо, если бы вдруг не появилась эта девчонка.

Откуда она только взялась? И куда его ведет? Дом ведь разрушен, разве тут еще остались люди?!

Коля жил на рабочей окраине городка, там же и школа его находилась, так что здесь, в центре, где стояла «пятиэтажка», он бывал до войны довольно редко. Однако знал, что дом разбомбили, многие жители погибли, а те, кто остался в живых, разбрелись или разъехались кто куда. Находились такие, кто пытался пожить добром, оставшихся в квартирах, но после того, как несколько человек погибли, сорвавшись в развалины, дураков лезть в страшный дом больше не находилось. И вот вдруг появляется эта девчонка, которая спасает его и ведет куда-то по лестницам, где почти не осталось ступенек!

А может быть, она призрак? Призрак светлоглазой девочки с вьющимися русыми волосами, которая жила в этом доме до войны и погибла при бомбежке?.. Интересно, призраки носят синие пальтишки, коричневые чулки в резиночку

и стоптанные баретки⁹? Да запросто! Должны ведь они что-то носить! Может быть, эта девочка была одета именно так, когда ее убило, и оживает только лунными ночами? Заманивает таких же дурней, как Колька Поляков, который сейчас доверчиво тащится за ней следом, – а потом сбрасывает их в ту же воронку, куда слетел Павлычко?

Но тогда зачем она удержала Колю от падения? Нет, вряд ли для того, чтобы сбросить в яму! Значит, это не злой призрак, а добрый.

А почему Коля вообще решил, что она призрак? Да потому что в книжках призраки убитых девушек все красавицы, а она тоже красивая.

Или это только в лунном свете ему так кажется?

А как ее зовут, интересно?..

– Мы пришли! – сообщил «призрак», вдруг останавливаясь около двери на площадке четвертого этажа. – Ты извини, только у меня не убрано. Вода, конечно, течет из трубы, но ее не так много, чтобы мыть пол. Да и все равно – пока проберешься по этим развалинам, и грязь, и пыль нанесешь. Но подметаю я постоянно. Проходи!

Так. Призрак вряд ли заговорил бы о мытье полов и о пыли. Это девчонка, обыкновенная девчонка.

Нет! Необыкновенная! Во-первых, она спасла Коле жизнь, а во-вторых... во-вторых, она... в ней есть тайна, вот

⁹ В описываемое время так назывались женские туфли, похожие на полуботинки.

что!

Коля смущенно посветил фонариком на свои ботинки. Интересно, когда он чистил их в последний раз? Уже и не вспомнить, прошли те времена. Да и гуталина теперь нигде не найти...

Он неуклюже пошаркал по лестничной площадке, заметил, что поднял облако пыли, сообразил, что только хуже сделал, – и, еще больше смутившись, вошел в открытую дверь.

В комнате было полутемно: ее освещало только пламя двух толстых стеариновых свечей, которые стояли в красивых ажурных подсвечниках.

Коля изумленно уставился на них.

... Дома, там, в Москве, были такие же подсвечники. Нет, не совсем такие, но очень похожие. В их квартире, где находились только необходимые для жизни вещи – никаких презируемых отцом «мещанских штучек»! – они выглядели странно. Однажды Коля спросил отца:

– Откуда это у нас? Ты же не любишь всяких таких вещей!

– Не люблю, – согласился его отец. – Но они были очень дороги твоей покойной маме. Это была для нее память о родном доме. Она их очень берегла, разговаривала с ними, как с живыми. Она говорила: «Когда в них горят свечи, мне кажется, это души моих погибших мамы и папы». Конечно, я как коммунист не верю в такие вещи, но все, что было доро-

го твоей маме, дорого и мне.

С тех пор Коля иногда, тайно от отца, тоже зажигал свечи в тех подсвечниках и смотрел на них. Да, ему как пионеру нельзя было верить в какие-то души, но все-таки... все-таки!

Когда дядя Сережа и няня Варваровна увозили Колю из Москвы, он хотел взять подсвечники с собой, но не смог их найти, как ни искал. Они пропали, как пропал отец, как пропала вся прежняя Колина жизнь, о которой не знает ни один человек на свете. Поэтому он так боится Нинкиных вопросов о том, откуда он такой взялся. Потому и отвечает грубо: «От верблюда!»

– Ну чего ты стал? Садись, – вернул Колю к жизни голос спасительницы, и комната, из которой он ненадолго уплыл в прошлое, снова возникла перед его глазами.

Пианино (на нем несколько фотографий в рамочках), диванчик, стол (на столе патефон и пластинка в бумажном конверте), два стула, железная печурка, труба которой выведена в аккуратно замазанную трещину в стене. Большой гардероб. Вся мебель обшарпанная, исцарапанная. На стенах три картины: какие-то леса, поле, домик в зарослях... Это называется пейзажи. У них дома тоже был пейзаж: синее небо, синяя вода в реке, зеленая трава...

Коля удивился: раньше он изо всех сил старался не вспоминать о прошлом, однако эта девчонка и ее комната заставили. Но вот странно – не было привычной боли, из-за кото-

рой раньше он отгонял от себя воспоминания. Сейчас Коля даже порадовался, что они вернулись.

Нет, правда, это удивительно!

– Ты что, здесь живешь? – снова огляделся он. – Но ведь дом разрушен! А если обвалится?

– Пока не обвалился, может, и еще простоит, – пожала плечами спасительница.

– Ты здесь зиму провела?! Как же смогла выжить?

– Конечно, холодно было, очень холодно... – вздохнула девочка. – Но мне просто некуда пойти. Мы перед самой войной сюда переехали из Харькова, ни друзей, ни знакомых не завели. Еще хорошо, что мама раздобыла эту буржуйку. Без нее я бы пропала.

– А где твоя мама? – спросил Коля.

– Она погибла, – тихо ответила девочка.

– При бомбежке?

– Нет, ее убили фашисты.

– Она что, была партизанкой?! – изумился Коля, сразу вспомнив Ивана Ивановича.

– Она была врачом, – покачала головой девочка. – Помнишь первый приказ о комендантском часе? Кто появится на улице после шести вечера, будет расстрелян. Она задержалась на дежурстве в больнице на десять минут. Ее расстреляли прямо на улице. Я ждала ее, ждала...

Голос ее дрогнул. Девочка отвернулась, и Коля понял: не хочет, чтобы незнакомый мальчишка видел, как она плачет.

У него даже сердце заболело!

Ужас... это ужас! Она прожила одна после смерти матери целый год: фашисты взяли Краев ровно год назад. И ей даже некому было рассказать о своей горе, и никто ее не пожалел, не утешил...

– Как же я их всех ненавижу! – стиснул кулаки Коля. – И фашистов, и их прихвостней, полицаев! Даже не знаю, кого больше: самих фашистов или предателей. Не плачь. Я за твою маму мстить буду. Так же, как за нашего учителя, Ивана Ивановича. Его за связь с партизанами повесили. Сначала пытали, но он никого не выдал.

– Откуда ты знаешь? – повернулась к нему девочка.

– Тогда бы нас всех арестовали, – пояснил Коля, и вдруг спохватился: что он болтает?! – Я хочу сказать, что тогда и других подпольщиков схватили бы.

Девочка внимательно смотрела на него, и Коля подумал, что, наверное, она обо всем догадалась. Стараясь скрыть замешательство, подошел к пианино:

– Играешь?

– Да так, немножко, – пожала плечами девочка.

...У них дома тоже было пианино. Отец говорил, что раньше играла мама. А Коля вообще никогда в жизни не видел, чтобы на том пианино кто-то играл!

Коле вдруг захотелось рассказать этой незнакомой девочке, что у него тоже нет мамы, он ее вообще не знал, по-

тому что она умерла, когда он родился. У него была няня Варваровна!.. На самом деле ее звали Варвара Варравовна. Ну да, ее отец носил имя Варрава. Чудно же раньше людей называли! Выговорить имя и отчество няни было совершенно невозможно, поэтому они как-то незаметно слились воедино и она стала Варваровна. Про это Коле тоже захотелось рассказать. И про всю свою прежнюю жизнь!

Коля даже испугался: да ведь он эту девчонку совсем не знает, а уже готов ей выболтать свои самые страшные секреты, дурак такой!

Нинке, между прочим, ничего не рассказал бы даже под угрозой расстрела, а этой, которую видит впервые в жизни...

– Сыграй что-нибудь! – попросил, чтобы выгнать из головы всякую дурь. И добавил: – Пожалуйста.

Нинка бы только презрительно фыркнула, услышав это слово, но здесь без него никак нельзя было обойтись, Коля это чувствовал. Здесь оно было к месту!

Девочка открыла пианино и начала наигрывать одним пальцем. Коля сразу узнал мелодию: «Вставай, страна огромная...» И вдруг музыка оборвалась.

– Нет уж, сейчас лучше не надо, – с сожалением сказала девочка. – Вдруг кто-нибудь услышит с улицы – патруль, полицаи, которые тебя ищут. Еще начнут стрелять по окнам! Высоко, конечно, но все-таки страшно.

– А когда-нибудь днем сыграешь? – спросил Коля и вдруг испугался: да он ведь в гости ей навязывается! Нужен он ей!

Но девочка уставилась изумленно:

– Ты сюда еще придешь? В самом деле?

Неужели обрадовалась?!

Коля тоже обрадовался, но ответил сдержанно:

– Если можно.

– Конечно! – воскликнула девочка. – Я буду очень рада! У меня нет друзей, только книги и музыка. Я ведь даже в школу поступить не успела, когда мы в Краев приехали. Сразу война началась...

У нее нет друзей! Значит, новый друг по имени Коля ей пригодится!

Он так обрадовался этой мысли, что перестать смущаться и решил, наконец, представиться:

– Между прочим, меня зовут Коля. Николай Поляков. А тебя?

Она засмеялась:

– Да, смешно, правда, что мы еще незнакомы? Говорим, говорим столько времени, а имен не знаем. Меня зовут Юля Симонова.

* * *

В это самое время полицай Микита Бубело снова и снова обходил улицу Великой Германии (бывшую 7 ноября!) и ближайšie к ней переулки в поисках своего пропавшего напарника – полицая Павлычко. Он уже притомился кричать

и звать:

– Юхрим! Куда тебя черти унесли? Юхрим! Павлычко! Да где ж ты?

Он в очередной раз тащился мимо полуразрушенной «пятиэтажки», как вдруг из-за угла навстречу ему вышел гитлеровский офицер в сопровождении рядового с автоматом.

Солдат немедленно навел автомат на Бубело. Тот испугался и выставил вперед правую руку с белой повязкой:

– Свои! Свои! Ферштейн? Я полицей! Полицай Микита Бубело! Нихт стреляйт!

– Что здесь происходит? – холодно спросил офицер, и Бубело изумился, насколько чисто этот гауптман¹⁰ (полицай успел бросить взгляд на погоны) говорит по-русски. Он даже не удержался от восклицания:

– Вы говорите по-русски, господин гауптман?

– Я долго жил в Советском Союзе, – бросил офицер, и Бубело сразу смекнул: «Шпионил, конечно!»

Само собой, он держал свою догадку при себе.

– Но я задал тебе вопрос, – продолжал гауптман. – Что здесь происходит?

– Мы с Юхримом, – начал объяснять Бубело, – ну, с полицейским Павлычко, значит, погнались тут за двумя какими-то нарушителями комендантского часа, а они как сквозь землю провалились. И Юхрим невесть куда подевался!

– В этих развалинах искал? – кивнул офицер на «пяти-

¹⁰ Гауптман (нем.).

этажку».

– Да вы шо, господин гауптман?! – всплеснул руками Бубело, чуть не выронив винтовку. – Кто ж туда сунется, который не божевильный... не сумасшедший, по-русски сказать?! Там же всё на чуть живой живуленьке держится, чуть ступишь – и обвалится! Добра кое-какого оставалось в квартирах-то, даже радиоприемник виден во-он там, под самой крышей. Наши ребята хотели его достать, да оборвались к чертям, убились. Больше туда не лазим, нема дурных!

– Значит, здесь никто не живет? – оглядывая стену дома, по которой змеились трещины, спросил гауптман.

– Да только одна девчонка, сущая самоубивца, – ухмыльнулся Бубело. – Во-он там угнездилась, видите? – Полицай показал на окно, завешенное изнутри темной маскировочной шторой. Все остальные окна в доме были выбиты, зияли пугающими провалами, а это завешено. – Она малость придурковатая, эта Юлька Симонова, вот шо я вам скажу. Разве нормальный человек может тут жить? Да еще песни по ночам играть на пианинах?

– Какие песни? – удивился офицер.

– Да какие-то дурацкие, про любовь, – хихикнул Бубело и пропел пискляво: – Либхен, ко-о-ом цу мир! Я сам сколько раз слышал. То по-русски поет, то по-немецки.

Гауптман пристально посмотрел на него, помолчал и спросил:

– Как, ты говоришь, ее зовут?

– Юлька Симонова, господин гауптман!

– Юлѹ Симонофф . . . – задумчиво повторил гитлеровец. – Да. Гут. Зер гут. Иди, полицай Микита Бубело, ищи своего Павлычко.

Он пошел дальше, а солдат последовал за ним.

– Хайль Гитлер! – вскричал Бубело, вскинув руку в нацистском приветствии, надеясь, что офицер заметит его усердие, но тот не обернулся, и Бубело уныло опустил руку.

Зря старался.

Ищи, главное дело, своего Павлычко! А где его искать-то? Безнадежно махнув рукой, он побрел дальше.

* * *

– Юля, – повторил Коля. – Юлия, значит. Какое красивое имя!

– Это отец решил меня так назвать.

– Он на фронте?

– Он давно умер, – вздохнула Юля. – А отчим в Финскую войну погиб.

– У меня тоже отчим! – признался Коля, но почему-то уже не испугался того, что опять заговорил о прошлом. – Но я его всегда за родного отца считал. Он на фронт в первые же дни войны ушел, в июне 41-го. Не знаю, жив ли. Но я верю, что он вернется с победой. А твой отчим был хороший?

– Да, очень хороший, – кивнула Юля. – Я даже не подо-

зревала, что он мне не родной. Потом, когда он уже погиб, мама мне сказала правду. Я случайно нашла фотографию какого-то мужчины, и там на обороте было написано: «Моим милым девочкам – с вечной любовью». Тогда мама мне рассказала, что у нее был раньше жених, Федор Чернышов. Они собирались сыграть свадьбу, уже день назначили, но он поехал в командировку в Среднюю Азию и умер от какой-то тяжелой болезни. Там его и похоронили. Это случилось, когда я еще не родилась. Но он почему-то был уверен, что родится обязательно девочка. А потом, после его смерти, мама вышла за Федора Петровича Симонова. Он меня удочерил. Так странно было узнать, что он мне чужой! Я иногда смотрю на фотографию своего настоящего отца и пытаюсь заставить себя его полюбить, а не могу. Это он мне чужой, а не Федор Петрович.

Юля взяла один из тех снимков, которые стояли на пианино, и подала Коле. Тот подошел ближе к свече:

– Ну что, твой отец симпатичный был. Ты на него похожа. Вот родинка такая же как у него...

Он протянул руку к Юлиной щеке, на которой была очень симпатичная родинка, коснулся ее, но резко отдернул руку.

Что он творит?! С ума сошел, что ли? Почему вдруг так захотелось погладить ее по щеке?

И стало страшно – обидится, выгонит, скажет: какая наглость! И он должен будет уйти и... и больше ее не увидит?!

Юля испуганно хлопнула глазами и покраснела – Коля да-

же при этом тусклом свете увидел, что она покраснела! – однако гнать его не стала, только подала ему другую фотографию и сказала тихо:

– Лучше бы я на маму походила. Она была красавица.

– Ты и на маму похожа. Очень даже! – воодушевился Коля, но тотчас опять спохватился: да ведь он практически сказал этой девочке, что она красавица! Нет, точно с ума сошел!

Но теперь она не должна обидеться. Девчонок же хлебом не корми, только дай им своей внешностью повосхищаться. Нинка как-то раз его спросила: «Как ты думаешь, я красивая?» Коля тогда только плечами пожал. Даже простого «да», ну самого простого вежливого «да» не смог из себя выдать. А сейчас...

– Спасибо, – улыбнулась Юля и вдруг вскрикнула: – Ой, извини, ты у меня в гостях, а я тебе даже чаю не предлагаю! Только заварки нет. Но можно воды согреть... Хочешь? Правда, из еды только сухари. Я на базаре выменяла на мамино платье. У нее было очень много красивых платьев. Я сначала не хотела их менять или продавать, но потом пришлось. Жить ведь как-то надо, правда?

– Я тебе завтра что-нибудь принесу! – пообещал Коля. – Я у сестры моего отчима живу, а у нее такие запасы!.. Картошка, свекла (она свеклу бураком называет, смешно, правда?), мука есть... Тетка самая настоящая куркулиха. Должен же я тебя отблагодарить за то, что ты меня от полицаев спасла. А ведь могла бы вообще не высовываться. Сидела бы у себя

тут, в своем... скворечнике. Может, я бы и сам удрал от патруля, а может, они бы меня схватили. Увидели бы, что руки клеем испачканы, и сразу поняли бы, чем я занимался. И к стенке! Если бы не ты...

– По-моему, ничего особенного я не сделала, – пожала плечами Юля. – Как же я могла тебя не спасти?! Вы ведь с этой девочкой, с Нинкой, собирались расклеивать листовки, да? Надеюсь, она успела убежать. А у тебя ни одной не осталось? А то мне ни разу не удавалось прочитать ваши листовки. Полицаи их очень быстро срывают!

«Почему я ей так верю? – подумал Коля. – Вижу впервые в жизни, а верю! Ах да, она ведь мне жизнь спасла. Поэтому и верю. Только поэтому?.. Или мне просто хочется ей верить?»

Коля достал из кармана куртки смятую листовку и подал Юле. Та осторожно расправила ее и прочла вслух – голос ее дрожал:

– «Не верьте вракам Геббельса! Фашисты разбиты по Москвой нашей армией, и наша задача – тоже бить врага, где сможем. Есть оружие – оружием, нет оружия – палкой бей, нет палки – вцепись руками! Смерть фашистским оккупантам! Победа придет!»

– Точно! – подхватил Коля. – Победа обязательно придет!

– Как здорово написано! – восторженно вздохнула Юля. – Сам придумал?

Коля удивился: как она догадалась? Хотел сказать, что да, но все же поскромничал:

– Это Иван Иванович тексты придумывал, а мы с другими нашими ребятами переписывали и расклеивали. Нас пятеро.

Теперь Коля уже не спохватывался на каждом слове. Откуда-то знал: этой девчонке, этой таинственной Юле Симоновой всё можно сказать!

– А тебе сколько лет? – спросила она.

– Почти пятнадцать.

– Мне тоже... Слушай, да ты просто герой! Вы все герои! Это же страшный риск... Просто школьники, просто пионеры, даже в комсомол вступить не успели, а какие вы храбрые!

Ох как у нее глазищи сияют! Что-то не понять, какого они цвета. Понятно, что светлые, а какие именно: серые? Голубые? Зеленые? В них все время пляшут огоньки свечей, так что не разберешь.

– Ну надо же что-то делать! – сказал Коля, пожимая плечами и стараясь не таращиться в ее сияющие глаза. – Листовки – этого мало, мы так надеялись, что будем чем-то посерьезней заниматься, но Ивана Ивановича убили, а связной от партизан теперь неизвестно когда появится. Будем, конечно, продолжать листовки писать, но людям нужны точные сведения, им нужно рассказывать об успехах нашей Красной Армии, называть освобожденные города, которые перечисляют в сводках Информбюро, а у нас радиоприемника-то нет. Эх, где-нибудь бы приемник раздобыть, тогда бы знаешь, как оживился народ, получая точные сведения о наших победах каждый день!..

– Приемник?.. – всплеснула руками Юля. – Я видела приемник в одной из разрушенных квартир. На пятом этаже.

– Правда? – чуть не заорал от восторга Коля. – Вот это да!

– Да он, может быть, вообще не работает... – вздохнула Юля. – Там крыша пробита, а ведь дожди, снег...

– Ничего! – отмахнулся Коля. – Надо Тимке Фролову сказать: он до войны в радиокружке занимался, здорово в технике разбирается. Если там хоть какие-то детали в порядке, он починит приемник, точно починит!

Юля смотрела с опаской:

– Ох, зря я тебе про это сказала. До приемника еще добраться надо, это очень рискованно!

– Ничего, – опять отмахнулся Коля, – у нас есть Мишаня Климов. Ему бы в цирке выступать, честное слово: здорово горазд по деревьям, по заборам, по крышам лазить.

– Я смотрю, твои друзья – сплошные таланты, – улыбнулась Юля.

– Это да, но я исключение, – засмеялся Коля. – Я самый обыкновенный.

Тут же пожалел, что не признался: это он сам написал листовку, стараясь, чтобы вышло не хуже, чем у Ивана Ивановича. Но сейчас уже никак нельзя было об этом сказать: вышло бы хвастовство, как у лягушки-путешественницы, которая закричала: «Это я! Это я! Это я придумала!»

Лягушка расхвасталась и сорвалась с палочки, на которой ее несли аисты. А что, если Юле не нравятся хвастуны? То-

гда и Коля «сорвется» в ее глазах... Нет уж, лучше он промолчит!

– Ты мне не кажешься обыкновенным, – вдруг сказала Юля, и Коля чуть не упал. Ужасно хотелось спросить: почему – и выслушать, наверное, что-нибудь очень приятное для себя. Но все-таки решил не спрашивать. Если Юля сама захочет объяснить – он с удовольствием послушает. Но спросить нельзя: это было бы очень похоже на то, как Нинка спрашивает у него всякие приятные слова! Поэтому он просто буркнул:

– Спасибо, конечно. Но по сравнению с Марксом Красновым...

– С Марксом?! – испуганно перебила Юля. – Серьезно?! Его так зовут – Маркс?! Но если немцы узнают...

– Да, имя у него опасное, хоть Карл Маркс и сам был немцем! – согласился Коля. – Тетя Катя Краснова, когда фашисты уже подходили, договорилась с кем-то, чтобы Марксу метрику исправили, так что он теперь просто Марк. А мы его и раньше Марекком звали, и теперь зовем. Марек так в футбол играет, что его бы в юношескую сборную города взяли, если бы не война.

– А Нина? – спросила Юля. – Ну, та девочка, которая с тобой была? Она кра... Она какая?

Коле послышалось, или Юля в самом деле хотела сначала спросить: «Она красивая?», а потом спросила: «Она какая?»

Интересно, девчонки вообще могут о чем-нибудь еще ду-

мать, кроме красоты, своей или чужой? Даже Юля...

И тут же Коле стало стыдно этих мыслей. Юля спасла ему жизнь. Юля прожила одна в полуразрушенном доме целый год! Конечно, ей интересно побольше узнать о Колиных друзьях, а он так мало о них рассказывает, будто характеристику пишет для вступления в комсомол! Надо хотя бы о Нинке побольше рассказать.

– Нинка Ломтева очень умная! – начал Коля. – Лучше всех в классе училась. – Помолчал, подумал и добавил: – И вообще она сильная такая, властная. Мы ее прозвали Нинка-атаманша. – Еще помолчал, еще подумал, но больше ничего не добавил.

– Она тебе нравится? – вдруг спросила Юля.

Коля замялся. Что сказать?

– Она Мареку нравится, – неожиданно буркнул он. – А мне нравится, что она такая смелая. И надежная!

– Понимаю, – кивнула Юля. – Ты именно поэтому выбрал ее, чтобы идти листовки расклеивать?

«Что-то разговор куда-то не туда забрел», – подумал Коля.

Он Нинку не выбирал, вот в чем дело. Она сама его выбрала. Она же атаманша! Но Юле признаться в этом было никак нельзя. Она сочтет Колю сущей тряпкой. И правильно сделает, между прочим! Давно надо было сказать Нинке, что они просто друзья. Просто друзья! И не надо заводить с ним всякие глупые разговоры!

И он это обязательно скажет, если Нинка опять начнет за-

давать свои дурацкие вопросы.

– Мы все поочередно ходим с листовками, – вывернулся Коля. – Никто никого не выбирает.

– Понятно, – кивнула Юля.

«Интересно, что ей понятно?» – задумался было Коля, но тут она заговорила снова:

– Слушай, а если ваш гениальный Мишаня достанет приемник, а ваш гениальный Тимка сможет починить приемник, то вполне можно будет слушать сводки здесь, у меня. В развалины никто не сунется: ни полицаи, ни фашисты. Они боятся, что им на голову этажи рухнут или что в провалы сорвутся! Да ты сам видел – это случается. А я твоим друзьям покажу, как можно безопасно сюда пробираться. Только я не знаю, захотят ли они, чтобы я с вами была...

– Конечно, захотят! – чуть ли не закричал обрадованный Коля. – Я им расскажу, какая ты! Ты мне жизнь спасла, ты приемник нашла, у тебя такая явка есть! Настоящая партизанская явка! Это лучше, чем у Нинкиной тетки в сарае прятаться, каждую минуту боясь, что она нас выгонит. Ты очень полезный для нас человек!

«И я смогу видеть тебя хоть каждый день», – мелькнула мысль.

Коля озадачился. Неужели это он подумал?! Как бы не ляпнуть такое вслух!

Он прикусил язык, который иногда болтал лишнее как бы сам по себе, но, на счастье, Юля улыбнулась:

– Не представляешь, как я рада! Все одна да одна, а теперь как будто семья у меня появилась, родные люди! А как ваша группа называется?

– Да никак, – подал плечами Коля.

– Ты что, надо обязательно придумать название! – настойчиво сказала Юля. – Например, «Народные мстители» или еще как-то. И потом так же листовки подписывать. И клятву дать! Что будем сражаться до последней капли крови! Или ты против?

– Я за, я двумя руками за! – Коля и в самом деле вскинул обе руки. – Иван Иванович тоже говорил, что надо группе дать название, но мы просто не успели. Я хотел предложить «Пионеры-мстители» – это звучит гордо! И ребятам всем понравилось.

Юля взглянула с сомнением:

– Звучит, конечно, гордо, но это все равно, что самих себя выдать. Фашисты не дураки, они из-за этого названия сразу внимание на школьников обратят. Надо по-взрослому называться!

«Точно. Почему это никому раньше в голову не пришло? – удивился Коля. – Даже Нинке, между прочим!»

– Правильно говоришь! – согласился он. – И название «Народные мстители» мне очень нравится.

– Спасибо... – улыбнулась Юля и вдруг зевнула, торопливо прикрыв рот рукой: – Ой, извини, слушай, что-то вдруг так спать захотелось!

Вообще есть такой закон природы: стоит в компании начать кому-то зевать, как раззеваются все. Закон передачи зевания на расстоянии, вот это как называется!

Коля тоже зевнул, поспешно прикрывшись ладонью:

– Мне тоже спать охота.

Он взглянул на старые часы, которые оставил ему дядя Сережа, уходя на фронт.

– Да ведь уже два ночи! Я, наверное, пойду...

И снова зевнул.

– Ты с ума сошел?! – испуганно схватила его за руку Юля. – Среди ночи по городу шастать?!

Как здорово, что она за него беспокоится! Как здорово!

– А ты думаешь, мы среди бела дня листовки клеим? – покровительственно улыбнулся Коля. – Тоже среди ночи, так что мне не привыкать.

И подумал: «Хорошо, если бы она меня начала уговаривать не уходить. Я бы, конечно, не согласился, но все-таки...»

Юля не отпускала его руки и смотрела встревоженно:

– Я понимаю, стоит рисковать для какого-то серьезного дела. А сейчас зачем нарываться на пулю? Если уйдешь, я с ума сойду от страха за тебя! Нет, ты до утра останешься здесь. Я тебе свой диванчик уступлю...

Нет, ну конечно, если из-за него такая девчонка с ума сходить будет... Неважно, что от *страха* за него! Неважно! Конечно, Коля не может заставить ее так волноваться. Это

невежливо. Неблагодарно, как говорила няня Варваровна.

Да и на самом-то деле ему совсем не хочется уходить. Но этого ни в коем случае нельзя показать. Девчонки – они только почуют в парне слабинку, сразу нос начинают задирать! Как Нинка. Юля, конечно, не такая, но все же ни к чему, если она сразу поймет, до чего нравится Коле.

– Ладно, – согласился как бы с неохотой. – Только никаких диванчиков, еще чего не хватало! Брось что-нибудь на пол. Мне не привыкать на полу спать. А сама ложись на свой диванчик.

– Тогда давай постелим ковер, – предложила Юля. – Правда, он весь пыльный, зато на нем теплее.

Они достали из-под дивана старый ковер, Юля, не слушая никаких возражений, положила на него еще и ватное одеяло, чтобы снизу Колю уж точно не продуло, и он, наконец, улегся, накрывшись курткой. А Юля сняла свое синее пальтишко, оставшись в синем платье (Коля обрадовался, потому что и у него синий был любимый цвет!), задула свечи и устроилась на диване, накинув на себя вытертый плед.

– Спокойной ночи, – сказала она.

– Ага, спокойной ночи, – отозвался Коля, вдруг вспомнив, что он не говорил этих слов с тех пор, как умерла няня Варваровна, а дядя Сережа ушел на фронт. Дяди Сережина сестра, у которой Коля жил, его терпеть не могла и почти с ним не разговаривала. Ни о каких там «спокойной ночи» и «доброе утро» и речи быть не могло!

Сейчас он уснет, а когда проснется, Юля скажет ему: «Доброе утро!» И он ей то же самое скажет. Это немножко похоже на сон... но это будет наяву!

– Тебе там не жестко? – шепотом спросила Юля. – Мне ужасно неловко, что ты на коврике лежишь, как...

– Как верный пес? – усмехнулся Коля. – А что, я не возражаю! И мне очень хорошо.

– Ну, тогда еще раз спокойной ночи! – сказала Юля, и Коля по голосу понял, что она улыбается. – Спокойной ночи, верный пес!

– Гав-гав! – весело отозвался Коля.

Они еще немножко посмеялись тихонько и наконец заснули.

В это время около разрушенной «пятиэтажки» снова появился тот же гитлеровский офицер, который недавно разговаривал с полицаем Бубело.

Остановился, поглядел на темное окно четвертого этажа, завешенное маскировочной шторой...

Покачал головой и пошел дальше.

* * *

На этой базарной площади Нинка и Маркс иногда расклеивали листовки: на ограде старой церкви, на фонарном столбе, на стенах окружающих домов. По ночам, конечно, – ко-

гда здесь было пусто. А днем на площади обычно толклось немало народу. Кто приносил вещи для обмена на продукты, кто, наоборот, – продукты для обмена на вещи.

Приходили сюда и немецкие солдаты, а то и офицеры: норовили сменять консервы, или сахарин, или эрзац-мед, или сигареты на одежду, особенно теплую или хотя бы мало-мальски добротную. Особенно дорого у горожан ценились лекарства. За упаковочку аспирина отдавали целый отрез ткани! Вещи оккупанты отсылали в Германию. Ходили слухи, что в «Великой Германии» и вещи, и продукты распределяют по карточкам, вот гитлеровцы и стараются обеспечить своих фрау и киндеров. Ну и ладно, пусть меняют – главное, чтобы не отнимают, как было в начале оккупации. Тогда немцы врывались в дома и гребли все подчистую. Однако комендант Гросс живо навел порядок. По-немецки – орднунг. Гросс требовал соблюдения правил от всех: и от местных жителей, и от своих солдат. Солдат за грабежи отправляли на гауптвахту, жителей расстреливали за нарушение комендантского часа и за пособничество партизанам и подпольщикам. Но строже всего за сохранение орднунга в городе комендант спрашивал с полицаев, оттого они и лютовали, и грабили, и убивали всех, кто попадался под руку, чтобы никто и помыслить не мог о сопротивлении властям.

Иногда предпринимали рейды и облавы гестаповцы. Тогда еще пуще лилась кровь...

Сегодня на базарной площади немецких мундиров что-

то не было видно. Поговаривали, что в Краев прибыл новый заместитель коменданта, какой-то Шварц, что ли, и он грубо возмущен тем, что германские солдаты «подкармливают большевиков», поэтому запретил солдатам что-то менять или покушать у местного населения.

Ну что ж, новая метла всегда по-новому метет, известное дело!

Однако, хоть гитлеровцев не было, на площади сегодня оказалось довольно многолюдно. И Нинка знала, почему! Потому что на церковной ограде минувшей ночью появилась новая листовка и ее пока еще не успели сорвать. Около ограды толпился народ, а оттого в кружку старого нищего, который сидел около церкви, нет-нет да и падали медяки или рядом с кружкой кто-нибудь клал на землю кусок хлеба или картофелину.

– Здорово, да? – чуть слышно прошептал Маркс, попинывая, по своему обыкновению, старый футбольный мяч, и торжествующе улыбнулся.

Нинка хмуро кивнула. Она бы тоже радовалась вниманию, с которым горожане читали листовку, внизу которой стояла подпись «Народные мстители», если бы...

Вот именно, если бы!

Нинка сердито поджала губы и, достав еще одну листовку, которая лежала в кармане ее ватника, незаметно сунула ее в корзинку одного старикана, который как раз оставил корзину с картошкой, которую хотел продать, и тоже пошел читать

листовку, наклеенную на церковной ограде.

Старикана звали дед Кашевар, и он был ужасно вредный. Почему его прозвали Кашеваром, никто не знал – знали только, что это бывший кулак! Когда у него все добро отняли и раздали беднякам, дед Кашевар и его жена перебрались из деревни в город, к сыну, который работал на льнозаводе. Развели большой огород и жили тем, что выращивали и продавали потом на базаре. А чтобы ребяташки не лазили в огород, когда поспевал сахарный горох, дед Кашевар ходил вдоль забора с берданкой, заряженной солью, и стрелял из нее без всякой жалости, чуть кто близко подойдет! Потом жена старика померла. Началась война – сын ушел на фронт. Когда нагрянули фашисты и велели сдать все оружие, какое у кого оставалось, дед Кашевар свою берданку отволлок, конечно, в комендатуру и теперь хаживал вдоль забора со своей тяжелой клюкой. Как съездит по спине – не обрадуешься! Вредный дед, одним словом.

Впрочем, Нинке сейчас все казались вредными! Особенно разозлил какой-то человек, который вдруг негромко проговорил за ее спиной:

– Ох и молодцы эти «Народные мстители»! И название для себя придумали замечательное!

Маркс покосился на сердитую Нинку и опустил голову, с трудом скрывая усмешку.

Он знал, почему злится «атаманша»!

Это ведь Юльку хвалят. Это она придумала «замечатель-

ное название». И клятву она придумала, которую недавно принесли все: и Марек, и Мишка, и Тимка... нет: Михаил Климко, Тимофей Фролов, Марк Краснов, Нина Ломтева, Николай Поляков и Юлия Симонова. Клятва звучала так: «Я, Николай Поляков (Марк Краснов, Юлия Симонова и так далее), вступая в ряды боевой организации «Народные мстители», торжественно клянусь: пока жив, буду бороться с врагом и никому не выдам тайны нашей организации. Клянусь беспощадно мстить проклятым фашистом за нашу Советскую Родину, за наших людей, за всех убитых, казенных, угнанных в Германию, за слезы матерей и сестер, за кровь отцов и братьев. Клянусь не щадить ради этого самой жизни, а если я трусливо нарушу эту клятву и предам своих товарищей, пусть меня покарает их беспощадная рука. Клянусь! Клянусь! Клянусь!»

Конечно, прекрасные слова. Ребята очень воодушевились, дав эту клятву. Всем она нравилась. И Нинке она тоже понравилась бы... если бы клятву не Юлька выдумала! Если бы все зависело только от Нинки, она бы эту Юльку и близко к своим ребятам не подпустила. Особенно к одному из них... Но теперь от новенькой, кажется, не отвяжешься!

Нина раздраженно огляделась:

– Ну где же связной?..

– Должен прийти, – уверенно сказал Марк. – Ты пароль помнишь?

– Конечно! – огрызнулась Нинка.

Еще бы она не помнила пароль! Что, Маркс ее дурочкой считает, что ли?! Да у нее великолепная память, не зря она училась в школе на «отлично»! Велика важность запомнить пароль: «Как в горсовет, то есть в городскую управу пройти?» – и отзыв: «Нам... нам тоже туда нужно, мы вас проводим, пойдете!»

Маркс нарочно спрашивает, не забыла ли она. Надеется, что Нинка ему пароль и отзыв разболтает.

Ничего подобного! Это ее секрет. А все те, кто Юлькой восхищается, обойдутся!

– А ну, разошлись! – раздался вдруг крик. – Стрелять буду! отошли все от столба!

Это полицаи Стецьков примчался и начал разгонять людей, читающих листовку. Чуть не лопаются от злости:

– А ну посторонись! Разойтись! Подонки советские! Пошли вон, всех перестреляю!

Наконец сообразив, что первым делом надо сорвать листовку, Стецьков попытался это сделать, однако она оказалась приклеена намертво. Пришлось действовать штыком, чтобы ее соскрести.

Люди, которые разбрелись было по сторонам, вновь собрались к столбу и наблюдали за его стараниями, украдкой ухмыляясь и подталкивая друг друга.

– Чего вытарацились? – рявкнул Стецьков, обернувшись и наставляя на собравшихся винтовку. – А ну разошлись!

Люди неохотно попятились. А нищий, который до этого

сидел себе да помалкивал, вдруг провозгласил громогласно:

– А Господь – он всё слышит и видит, его не прогонишь.

– Молчи, старый дурак, – огрызнулся Стецьков, – а то загремишь у меня куда Макар телят не гонял.

– Где я только не бывал, чего только не видал... – отрешенно пробормотал нищий.

Нина насторожилась: дед Кашевар наконец-то обнаружил листовку в своей корзине с картошкой, достал ее, близко поднес к глазам и начал читать по слогам:

– «У-ни-что-жай-те врага, у-ничто-жай-те во-ен-ное снаряже-ние, под-жи-гай-те все, что может до-статься фа-шис-там...»

– Ах матушка родимая! – воскликнула, всплеснув руками, Ефросинья Самохина, соседка Нинкиной тетки. Муж ее ушел на фронт, детей не было, она славилась своим любопытством и частенько сидела на базарной площади, но не столько для того, чтобы обменять или продать свои старые, еще довоенные платья, сколько лоя слухи о немцах и партизанах, о наступлениях и отступлениях, о новых приказах оккупантов... Потом она разносила эти слухи по соседям. Таким вот «радио ОБС», то есть «Одна Баба Сказала», и жил Краев.

Остальные горожане, бродившие по базарной площади, потихоньку собирались вокруг деда Кашевара, вслушиваясь в каждое слово.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.